

Наш современник

К 60-летию со дня рождения Джафара Джабарлы

да женщины, приходившие в театр в чадре, возвращались домой без нее.

Севи́ль на сцене породила тысячи Севи́лей в жизни, возникло даже крылатое выражение: азербайджанская женщина стала Севи́лью.

Дж. Джабарлы однажды, оценивая значение творчества М. Ф. Ахундова для своей эпохи, заметил:

«В то время жизнь, с одной стороны, рушилась, распадалась, а с другой стороны... воздвигалась в совершенно ином, новом виде. И Мирза Фатали, как инженер, держа свое беспощадное перо, указывал: здесь надо разрушать, здесь надо строить. Он показывал всю обреченность ста-

лашу и покидает дом, Азиз начинае бурно аплодировать, одобряя поступок Севи́ль. Он даже не замечает, как его жена тоже сбрасывает чадру.

Такова была сила воздействия пьес Джафара Джабарлы, так «затрагивал» он своих зрителей. А это удается только высокоодаренным художникам.

Творческая судьба Дж. Джабарлы была трудной, но вместе с тем счастливой. Сын рабочего-угольщика, он пришел в литературу 15-летним юношей. Спусти всего два-три года его первые пьесы уже пользовались успехом на сцене. Была у молодого писателя и пора заблуждений. Он в свое время поддался влиянию псевдопатриотов—националистов. В некоторых своих ранних пьесах он звал к бунтарству, к анархическому мятежу личности.

Но когда победила Советская власть, он всем сердцем принял идеологию нового строя и стал основоположником азербайджанской советской драматургии, начинателем социалистического реализма в родной литературе.

В 1930 году во время Всесоюзной олимпиады искусства, когда азербайджанский театр выступал на сценах Москвы, Ленинграда и Казани, драматургия Джабарлы получила всесоюзное признание. Его пьесы с неизменным успехом шли на русском, армянском, туркменском, узбекском, татарском и других языках братских народов.

Но хочется повторить, что все это давалось ему нелегко. Вульгарные социологи и горе-теоретики бывшего АзАППа не давали ему покоя. В то время, как народ с радостью встретил появление пьесы «Алмас», мастерами отображающей первый период колхозного строительства в азербайджанской деревне, эти критики объявили пьесу вредной, драматурга обвинили в идеализме, непонимании классовой сущности процессов, происходивших на селе. Пьесу «В 1905 году», звучавшую как гимн интернационализму, гимн дружбе и братству народов, они потребовали снять со сцены, как якобы проповедующую национализм.

Но Джафар Джабарлы, отбивая эти беспринципные атаки, шел вперед, почти ежегодно создавая новую пьесу, отмеченную печатью его незаурядного таланта, поднимающую острые темы современности.

Не покладая рук трудился он в различных областях искусства. По его сценариям снимались первые азербайджанские фильмы, по либретто, написанным им, создавалась музыка новых опер, в его блестящих переводах шли на родной сцене шедевры мировой драматургии—«Отелло», «Гамлет», «Разбойники» и многое другое. Всю жизнь он был тесными узлами связан с азербайджанским театром. Джабарлы сыграл в судьбе родного театра такую же роль, какую в свое время играли в судьбе Малого театра Островский, в судьбе МХАТа—Чехов и Горький. Являясь режиссером и художественным руководителем, он день и ночь не покидал театр.

Дж. Джабарлы умер в расцвете творческих сил, когда ему было всего 35 лет. Он оставил драгоценное наследство—свои пьесы, он создал, подобно большому художнику, свою литературную школу, которая имеет верных учеников и последователей.

В 1951 году Самед Вургун, оценивая это, с гордостью говорил: «Джафар Джабарлы в области драматургии является для всех нас учителем. Он дает нам внутреннюю силу, чтобы яркими красками отображать в литературе правду социализма».

Славный творческий путь Дж. Джабарлы и ныне являет собою яркий пример того, каким должно быть отношение художника к современной ему действительности.

Талант Джабарлы и ныне наполняет сердца людей благородными чувствами, помогает нам лучше понимать жизнь, видеть в ней прекрасное, отличать новое от отживающего. Джафар Джабарлы—наш современник, он—в строю.

Аббас ЗАМАНОВ.

БЫЛ САМЫЙ разгар Великой Отечественной войны. На одном из участков фронта на Украине по несколько раз в день переходили из рук в руки безымянные высотки. В эти дни работник армейского политотдела показал мне дивизионную газету «За Родину!», где был описан следующий примечательный эпизод.

В 1943 году на берегу Днепра, во время ожесточенных боев, одна из наших частей вместе со своим штабом оказалась в чрезвычайно тяжелом положении. Не исключена была опасность полного уничтожения части; оставшиеся могли попасть в плен. Полковой знаменосец азербайджанец сержант Садреддин Джабиев снял полотнище знамени с древка, обернул им большой камень и погрузил в воду недалеко от берега. Люди приготовились к последнему бою.

К счастью, наши части, подоспевшие вовремя, прорвали вражеское кольцо. Как только опасность миновала, сержант Джабиев извлек полковое знамя из воды, надел мокрое полотнище на древко и принес в штаб. Находившийся там генерал узнал обо всем происшедшем и вызвал Джабиева, чтобы объявить ему благодарности.

Генерал спросил:

— Как пришло это тебе в голову в такой суматохе?

Джабиев ответил:

— Я видел почти подобное у нас в театре, в Баку, в пьесе писателя Джабарлы «Невеста огня». Ополчение Эльхана дрались с арабскими завоевателями, не жалея жизни, но все же было разгромлено: враг был многочисленнее. Тогда один из сподвижников героя—Донмаз, чтобы не отдавать знамя захватчиком, порвал его на мелкие куски и разбросал в стороны.

— А ты не боялся, что начальники могут наказывать тебя за это?—спросил генерал.

— Нет, не боялся. Я помню, Эльхан не рассердился на Донмаза...

Этот эпизод очень характерен. Он говорит о той огромной впечатляющей и воспитательной силе, которая заключена в пьесах Джафара Джабарлы. И это не единственный случай. Во время постановки каждой новой пьесы Дж. Джабарлы, посвященной острой современной проблеме, в Баку и в районах Азербайджана можно было наблюдать много примеров, свидетельствующих о том, что пьесы эти вызвали порою решительные повороты в сознании зрителей.

Каждое новое произведение Джабарлы было радостным событием не только в культурной, но и в социальной жизни общества. Постановка пьесы «Севи́ль», осуществленная в 1928 году, активизировала большое движение за раскрепощение женщины-азербайджанки. После первых же спектаклей началось массовое сбрасывание чадры не только в городе, но и в селениях. Были случаи, ког-

рого быта, доказывал его ветхость и утверждал в сознании все преимущества и неизбежность вновь воздвигаемого».

Джабарлы поступал точно так же. Он наглядно показывал своими произведениями, которые дышали сегодняшним днем и были устремлены к новому, где надо рушить и где строить. Пьесы «Севи́ль», «Невеста огня», «Алмас», «В 1905 году», «Яшар», «Поворот» показывали современнику, каким он должен быть, что он должен делать сегодня.

Положительные герои пьес Дж. Джабарлы—полнокровные художественные образы, воплотившие в себе думы и чувства народа, его чаяния и мечты,—стали идеалом многих поколений зрителей.

С трибуны 1-го Всесоюзного съезда писателей в 1934 году Джафар Джабарлы говорил:

«Писатель, который не умеет быстро заряжаться и заряжать своего читателя, драматург, который не умеет сделать так, чтобы зритель плакал или смеялся по его воле,—это не писатель, это не драматург. Такому писателю или драматургу лучше заняться бухгалтерией или чем-нибудь другим, но во всяком случае не искусством».

Именно таким драматургом, который умел заставить зрителя плакать и смеяться, был сам Джабарлы. На представлениях его пьес невозможно остаться равнодушным. Зритель переживает вместе с героями, он чувствует себя не наблюдателем событий, происходящих на сцене, а прямым их участником.

В первой половине двадцатых годов произошел такой любопытный случай. На представлении «Айдына», в момент, когда нефтепромышленник Довлетбек, используя свое положение, сделал Гюльтекин гнусное предложение, из середины партера кто-то громко крикнул: «Мерзавец!».

Когда дали занавес, администрация решила установить личность «нарушителя» и предупредить его. Им оказался... учитель с 40-летним педагогическим стажем, который объяснил свой поступок тем, что происходящее на сцене он не однажды видел в жизни и что теперь на мгновение ему показалось, будто бы эти наглые воскресли, и потому не смог сдержаться. Учитель извинился за свое «недостойное поведение».

Еще один пример. Исследователь творчества Джафара Джабарлы проф. Мамед Ариф приводит в своей монографии газетную заметку под заголовком «Азиз аплодирует».

Некий Азиз, настроенный довольно фанатически, услышал рассказы о том, что в театре какая-то «обрушавшая женщина» среди бела дня сбрасывает чадру. Азиз возмущен: почему муж тут же не расправился с ней. Для того, чтобы его жена воочию увидела этот позор и никогда не посмела последовать ее примеру, Азиз приводит жену на постановку пьесы «Севи́ль». Увидев, как угнетена Севи́ль Балашем, он проникается к ней искренним сочувствием, и когда Севи́ль бросает чадру в лицо Ба-